

доставленъ съ полицейскимъ чиновникомъ въ свой Кручикъ ¹⁾. Муратову было приказано строго слѣдить за перепиской Каразина, которая допускалась только черезъ посредство губернатора, а нѣсколько времени спустя Каразину было воспрещено издавать въ свѣтъ всякое литературное произведеніе.

ГЛАВА X.

Опала.

(1821—1831).

Бѣдственное положеніе Каразиныхъ и просьбы о помилованіи. Письмо къ имп. Николаю I и облегченіе участи семьи. Сельскія занятія съ 1826 г. Семейная жизнь. Знакомство съ М. П. Погодинымъ (1829). Избраніе въ Предсѣдатели Уголовной Палаты (1828—1830). Поѣздка въ Москву и столкновеніе съ А. Х. Бенкендорфомъ. (1831). Пятое наказаніе и высылка изъ Москвы. Письмо къ императору Николаю I (1831).

Ссылка В. Н. Каразина продолжалась до конца 1826 г., слѣдовательно около 6 съ половиною лѣтъ. О жизни въ тотъ періодъ времени Каразина мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Сохранившіяся «Дневныя записки» съ 1821 г. не обнародованы, а переписка, будучи обставлена тяжелыми формальностями, прекратилась. Можно сказать только, что запрещеніе выѣзда изъ деревни очень пагубно отразилось на хозяйственныхъ дѣлахъ В. Н. Каразина. Въ 1824 г. часть села Кручика перешла за долги въ чужія руки. «Сего 1824 г. іюля мѣсяца въ 22 день чиновники земскаго суда, прибывъ съ секретаремъ и приглашенными дворянами въ село Кручикъ, ввели во владѣніе большей половины онаго, поручика графа Подгоричани-Петровича. А еще въ прошедшемъ году оставшая часть села взята въ казенный присмотръ»... доносилъ кручанскій священникъ епископу Павлу Сабатовскому ²⁾. Въ 1825 г. онъ, находясь больной въ постели и

¹⁾ „Историч. Вѣстн.“ апр. 1900 г. стр. 1053. (Свѣдѣнія изъ военно-уч. арх.).

²⁾ „Харьковскій Сборникъ“, 1887 г., стр. 59.

уже думая о близкой смерти, писалъ въ Таганрогъ къ императору Александру I, прося его «сжалиться надъ несчастнымъ семействомъ», въ виду совершенно разстроившагося хозяйства. Письмо это не дошло по назначенію. Въ іюнѣ 1826 г. Каразинъ отправилъ новую просьбу о помилованіи императрицѣ, при чемъ адресовался отъ имени своей жены ¹⁾. Въ какомъ положеніи находились Каразины къ этому времени, свидѣтельствуеъ «записка слободско-украинскаго губернатора Муратова о статскомъ совѣтникѣ Каразинѣ» отъ 1-го марта 1826 г. «Каразинъ, писалъ онъ въ Петербургъ, такъ обремененъ долгами, что собственное его имѣніе, с. Кручикъ, необходимо подвергнется конфискаціи и продажѣ съ публичнаго торга на уплату его долговъ, почему мнѣ нужно разрѣшеніе, гдѣ долженъ будетъ имѣть пребываніе Каразинъ, когда село Кручикъ обратится въ продажу?» ²⁾

Государыня обратилась съ запросомъ къ барону Ив. Ив. Дибичу (генераль-адъютанту), который спесся съ гр. Кочубеемъ. Послѣдній письмомъ отъ 16-го іюля далъ требуемыя справки о дѣятельности Каразина въ Петербургѣ, о его сношеніяхъ съ государемъ Александромъ Павловичемъ, о причинахъ его заточенія въ Шлиссельбургъ и ссылкѣ въ деревню. «Я съ своей стороны присоединить себѣ позволяю, писалъ Кочубей, что не можетъ, кажется, быть препятствія удовлетворить просьбѣ г-жи Каразиной... Заточеніе мужа ея въ деревнѣ можетъ быть дѣйствительно для семейства его разорительно, между тѣмъ какъ полагать можно, что собоившееся съ нимъ и лѣта успокоили пылкое его воображеніе» ³⁾. Но просьба А. В. Каразиной, равно какъ и видимое сочувствіе Кочубея, не раздѣлявшаго убѣжденія въ виновности Василя Назаровича, не произвели желаннаго дѣйствія: 4-го августа было получено письмо изъ Петербурга «дежурнаго генерала» съ рѣшительнымъ отказомъ государя на просьбу Каразина ⁴⁾. Но въ тотъ же день распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ были цотребованы отъ разныхъ лицъ «подписки о непринадлежности къ тайнымъ обществамъ, при чемъ Василю Назаровичу было разрѣшено объяснить въ особомъ всеподданнѣй-

¹⁾ Записки къ импер. Николаю I („Русск. Стар.“—1870 г. т. II, 567.

²⁾ „Русск. Стар.“ 1900 г. іюль, 154 стр.

³⁾ Шильдеръ. Императоръ Александръ I т. VI, стр. 545.

⁴⁾ Письмо къ Императору Николаю I „Русская Старина“, 1870 г. т. II, стр. 567.

шемъ письмѣ несчастную его исторію по поводу этихъ обществъ» ¹⁾).

25-го числа того же мѣсяца Каразинъ узналъ о состоявшемся разрѣшеніи и... съ радостью принялся за письмо къ новому государю. Семья пришла въ ужасъ отъ намѣренія Василия Назаровича. По примѣру прежнихъ лѣтъ *можно было ожидать новаго увлеченія* его и еще бѣльшаго ухудшенія безотраднaго положенія Каразиныхъ. Два письма удалось перехватить и уничтожить «бѣдному напуганному несчастіями семейству», какъ объяснялъ Василій Назаровичъ въ 3-емъ письмѣ. Наконецъ, третье письмо, «писанное въ квартирѣ Ушинскаго тайкомъ отъ жены» ²⁾, дошло по назначенію. Характеръ письма Василій Назаровичъ объяснилъ самъ въ началѣ его: «я стану продолжать писать, хотя дрожащею рукою и исполненный глубочайшаго *должнаго* благоговѣнія, но съ тою же самою свободою, которая одушевляла мои бумаги въ продолженіе двадцати лѣтъ, писанныя къ моему незабвенному благотворителю, блаженной памяти августѣйшему брату вашему, государю!» Стараясь оправдать свои мысли и дѣйствія, за которыя пришлось нести столь тяжкія и долгія испытанія, Василій Назаровичъ указывалъ на справедливость своихъ указаній и на то, что результатомъ невниманія къ нимъ явилось 14-е декабря; что планы его въ 1820 году нашли сочувствіе «нѣсколькихъ извѣстныхъ государю особъ», что всѣ стремленія его клонились къ благу любимаго отечества, ибо, указывая на «странное направленіе умовъ», писалъ Каразинъ «не о себѣ и о *своихъ* я помышлялъ, но о томъ только, какъ бы менѣе всѣмъ существомъ моимъ, хотя бы оно вдребезги разбилось, ударить въ сердце государево». Кончивъ апологію своихъ дѣйствій, Каразинъ съ жаромъ началъ излагать свои мысли о необходимости идти впередъ по пути прогресса: Василій Назаровичъ вновь забылъ о себѣ и своихъ, стремясь «ударить въ сердце государево». «Я хотѣлъ всецѣльно, и сколько отъ ничтожнаго частнаго чело-вѣка могло зависѣть, предупредить—не только казавшуюся мнѣ близкою революцію, не и всѣ возможныя впослѣдствіи времени революціи, обративъ вниманіе государя *не-деспота* на противорѣчія между разливающимся черезъ всѣ сословія въ народъ просвѣщеніемъ и формами правленія, которыя могли быть приличны прошедшимъ лишь вѣкамъ: противорѣчія, кои необходимо, по об-

¹⁾ Тамъ же, стр. 560.

²⁾ Письмо Филадельфа Васильевича Каразина. Г. П. Данилевскій. „Украинская Старина“ Харьковъ, 1886, стр. 167.

щимъ законамъ моральнаго міра, производить и всегда будутъ производить одно *déistvie*», намекалъ Каразинъ на одинаковое не прогрессирующее положеніе вещей при новомъ государѣ: «Ничто не поможетъ, нѣтъ никакого средства, не достанетъ никакой человѣческой силы остановить колесо, или дать ему противное движеніе». «Гдѣ, кромѣ Карамзина, найдемъ историковъ, которые одобряли бы самовластіе?» Здѣсь, какъ бы спохватившись, Василій Назаровичъ добавляетъ. «Но я употребляю во зло, можетъ быть, столь милостиво дарованное мнѣ позволеніе? Для того, можетъ быть, пишу, чтобы увеличить еще вину мою, предоставить ее во всей ея наготѣ?» ¹⁾ Дѣйствительно, трудно было бы ожидать послѣ подобнаго письма улучшенія участи В. Н. Каразина, который, оправдывая «антиправительственныя» дѣйствія свои (какими ихъ по крайней мѣрѣ считали въ Петербургѣ въ 1820 г.), открыто выражалъ порицаніе современному положенію вещей, которое надо также принять къ свѣдѣнію. Но вопреки опасенію самого В. Н. Каразина, императоръ Николай Павловичъ, прочитавъ письмо и приложенные къ нему списки съ поданныхъ Кочубею и имп. Александру въ 1820 г. записокъ и писемъ, помиловалъ опальнаго; въ резолюціи барона Дибича отъ 28-го окт. 1826 г. относительно дальнѣйшей судьбы Каразина было сказано: «Высочайше позволяется ему пребывать и въ Москвѣ, буде желаетъ, но съ тѣмъ, чтобы воздержался отъ всякаго сужденія, къ нему не принадлежащаго ²⁾. Въ Петербургѣ В. Н.—чу былъ воспрещенъ въѣздъ до самой смерти. Позднѣе гр. А. К. Бенкендорфъ приписывалъ освобожденіе Вас. Наз.—ча своему ходатайству ³⁾.

Занятія Васиція Назаровича послѣ освобожденія отъ стѣснительнаго положенія (т. е. 1826 года) были продолженіемъ его занятій до 1820 г. Домоводство, примѣненіе открытій по химіи и физикѣ къ потребностямъ человѣка, новые опыты по метеорологіи, собраніе историческихъ матеріаловъ, работы въ области литературы и дѣятельная переписка съ незабывавшимъ уважаемаго В. Н. Каразина обществомъ—наполняли жизнь кружанскаго помѣщика; разница лишь въ томъ, что правитель дѣлъ неупраздненнаго *de iure* филотехническаго общества пересталъ представлять ему и печатать отчеты о своихъ дѣйствіяхъ, благодаря чему мы не можемъ съ точностью обозначить время тѣхъ

¹⁾ Русск. Стар. 1870 г. т. II, стр. 567.

²⁾ Шильдеръ. „Импер. Алекс. I“, с. IV, приб. X.

³⁾ „Русская Стар.“ 1903 г., апр. стр. 20.

или иных его работъ, какъ это было удобно дѣлать, имѣя передъ собой отчеты филотехническаго общества.

Объ опытахъ своихъ по сельскому хозяйству, домоводству, которыхъ В. Н. не оставлялъ ни на минуту, онъ печаталъ впоследствии (съ 1838 по 1841 г.г.) въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Такъ, мы видимъ здѣсь статьи его «О посадкѣ картофеля на поляхъ», гдѣ рекомендуется сажать больше картофеля, какъ необыкновенно полезнаго въ смыслѣ перемѣны растительности на пахати и въ смыслѣ удобренія почвы листомъ картофеля, дающей лучшіе урожаи зернового хлѣба. Рекомендуется посадка однихъ «глазковъ» картофеля, съ цѣлью сбереженія пропадающаго въ землѣ клубня, и *застываніе* полей сѣменами картофеля. Въ другомъ мѣстѣ предлагается, *на основаніи собственныхъ опытовъ*, продавать за границу не хлѣбъ, идущій тамъ на выработку спирта, а самый спиртъ, уменьшивъ, такимъ образомъ объемъ продукта въ пять разъ. Въ виду очевидныхъ большихъ выгодъ, В. Н. задумалъ проектъ торговли съ иностранцами спиртомъ въ большихъ размѣрахъ. «Большой тутъ премудрости не надо! Слишкомъ за годъ началась уже переписка съ чужестранными negociантами по сему предмету. Заводъ почти готовъ. Составимъ общество для опыта, назначивъ акцію въ сто рублей асс. Есть на лицо четыре члена, которые будутъ ожидать извѣщенія отъ желающихъ въ харьковскую справочную контору» ¹⁾. Проектъ впрочемъ такъ и остался проектомъ. Общество, повидимому, не состоялось, и выгоды «собственныхъ опытовъ» Каразина никого не тронули. Опытами по винокурению Каразинъ, какъ мы видѣли, занимался еще съ 1806 года. Теперь въ Кручикѣ стоялъ цѣлый заводъ, вырабатывавшій алкоголь. Заводъ этотъ перешелъ послѣ смерти Каразина къ его зятю-преемнику Сявцилло, а потомъ къ зятю Сявцилло—Земборскому, у котораго и пропалъ совсѣмъ. Крестьяне, глубокіе старики, рассказываютъ еще теперь, какъ Каразинъ отправлялъ «нѣмцамъ» цѣлыми обозами—«алкоголій» въ высокихъ бѣлыхъ металлическихъ цилиндрахъ. Невдалекѣ отъ барскаго дома дѣйствовала лабораторія, вырабатывавшая разные химическіе продукты. Начало этой лабораторіи относится, конечно, къ болѣе раннему времени: вѣроятно ея учрежденіе было въ связи съ учрежденіемъ филотехническаго общества. Крестьяне кручанцы рассказываютъ теперь, что мастерами въ лабораторіи были плѣнные французы (по одной версіи 11, по другой 30), которыхъ Каразинъ послѣ войны 1812 года приютилъ у себя. Для французовъ этихъ

¹⁾ «О торгѣ за границу хлѣбными спиртами» «Х. Г. В.» 1838 г. № 50, стр. 421—425.

было выстроено особое общежитіе: тѣ изъ нихъ, которые не знали никакого ремесла, окапывали глубокими рвами (1 кв. саж.) лѣса В. Н. Каразина; эти рвы до сихъ поръ удивляютъ своей необычайной глубиной. Большинство же иностранцевъ работали въ лабораторіи или занимались какимъ либо мастерствомъ—дѣлали косы, кирпичи, горшки, вырабатывали прекрасную юфть (кожу), которой, какъ мы видѣли, хвалился Вас. Наз. въ собраніи филот. общества. У опытныхъ мастеровъ въ лабораторіи учились и свои крестьяне-кручанцы, становившіеся потомъ на мѣсто учителей. Отецъ одного старика, рассказывавшаго мнѣ о «раблаторіи»—Иванъ Катко, былъ однимъ изъ такихъ лаборантовъ.

Занимаясь разными опытами по упорядоченію домоводства, Каразинъ, между прочимъ, описалъ приготовленіе дерева для столярныхъ работъ особымъ способомъ: онъ вываривалъ доски въ специальныхъ длинныхъ металлическихъ ящикахъ, послѣ чего дерево ссаживалось, дѣлалось болѣе легкимъ, не трескалось и становилось почти недоступно влагѣ; предвидя дороговизну подобной обработки матеріала, Каразинъ придумалъ совсѣмъ простой и дешевый способъ. Онъ промывалъ доски въ проточной водѣ, хотя въ послѣднемъ случаѣ онѣ уступали въ добротности вывареннымъ ¹⁾. Интересны опыты надъ приготовленіемъ хорошихъ дровъ. Ихъ Каразинъ или получалъ естественной сушкой деревъ въ теченіе зимы, весны и лѣта, или болѣе скорой искусственной. Для этого онъ заключалъ нарубленныя дрова въ металлические цилиндры съ замазанными наглухо крышками, чрезъ которыя проходила металлическая же трубка. Въ эту трубку проходилъ дымъ и пары жидкости, которые сгущались въ холодильникъ и давали составъ, названный Каразинымъ *коптиломъ* и составляющій существенную часть копченыхъ съѣстныхъ припасовъ: ложечки этой жидкости достаточно было прибавить въ воду, гдѣ варится окорокъ, чтобы онъ превосходно прокоптился. Дрова, приготовленные описаннымъ способомъ, теряли двѣ трети вѣса, жарко горѣли и не дымили, а на приготовленіе ихъ расходовалось всего небольшое количество соломы ²⁾. Опыты надъ полезнѣйшимъ употребленіемъ дерева продолжались, вѣроятно, долгое время; по крайней мѣрѣ такъ надо судить по техно-хозяйственному трактату «О сженіи угля съ расчетомъ» (напеч. въ «Х. Губ. Вѣд.» за 1841 г. №№ 8, 9, 10 и 11). Опыты эти начались еще до 1820 года, ибо еще въ проѣздъ Гумбольда черезъ Москву (1817 г.)

¹⁾ „О пригот. дерева на столярн. работу“ 1838 г. № 10, стр. 93—94.

²⁾ „Х. Г. В.“ 1838, стр. 55—57, № 6.

Каразинъ уже подарилъ ему жабу бальзамированную извлеченнымъ имъ отъ обработки дерева пирогономъ. Жаба настолько сохранилась, что «ее можно было почестъ за живую». То же дерево при обжиганіи на уголь давало цѣлыя два ведра прекраснаго древеснаго уксуса и смолы, пропадающихъ обыкновенно въ воздухъ въ видѣ дыма, а между тѣмъ на эти самые продукты, въ свою очередь, приходилось жечь много лѣса, которымъ не безъ основанія такъ дорожилъ Каразинъ. Чтобы проектъ не остался глухой проповѣдью, Вас. Наз. указывалъ на большія выгоды отъ примѣненія рекомендуемыхъ имъ мѣръ (30%) экономіи), предлагалъ даромъ дать желающимъ выработанные имъ чертежи заводовъ, печей и приспособленій. Причина такого безкорыстія одна и та же—страстное желаніе принести пользу дорогому отечеству вообще и полуденному краю въ частности. Во всѣхъ упомянутыхъ статьяхъ, да и во всей научно-литературной дѣятельности В. Н. Каразина сквозитъ эта идея. Василій Назаровичъ прежде всего оставался *общественнымъ* дѣятелемъ. «Добрые украинцы!—восклицаетъ въ одной изъ указанныхъ статей Каразинъ,—испытайте насадить хоть по полосѣ картофеля въ хлѣбныхъ поляхъ вашихъ. Увидите, какъ это полезно»! «Далъ бы Богъ, чтобы у насъ въ полуденныхъ губерніяхъ, хоть бы въ сосѣдствѣ городовъ, небольшими попытками, ввелось воздѣлываніе въ поляхъ коренистыхъ растений! И скотоводство, и земледѣліе пашли бы въ томъ *большія* выгоды: и неурожаи не были бы страшными»! («Х. Г. В.» 1838, стр. 82—83). «Какъ обрадованы будутъ поселяне этимъ для нихъ открытіемъ, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, рекомендуя *уезднымъ начальствамъ* ознакомить крестьянъ съ полезнымъ совѣтомъ сѣять картофель: «мало-по-малу введется у нихъ и *турнетъ* для корму скота. и сахаристая свекловица... между тѣмъ, какъ избытокъ картофлей замѣнить драгоцѣннѣйшее хлѣбное зерно, которое, не какъ картофель!.. можетъ пролежать десятилѣтія въ ямахъ и насыщать потомковъ въ несчастные годы» («Х. Г. В.» 1841, стр. 215).

Лѣсоистребленіе въ южной Россіи очень беспокоило Каразина. Съ 1805 года онъ старался искоренить порокъ неосмотрительнаго отношенія къ рубкѣ деревъ, заставляя своихъ крестьянъ сажать деревья на межахъ пахатей, совѣтуя въ брошюрахъ, газетныхъ статьяхъ—бережливое отношеніе къ лѣсамъ или, по крайней мѣрѣ, полную утилизацію срубленнаго дерева. Ко времени проѣзда государя черезъ Харьковъ, въ 1817 году, Каразинъ приготовилъ докладъ филотехническому обществу (въ засѣданіи котораго, онъ надѣялся, будетъ присутствовать государь)—„Рѣчь о важности лѣсоводства наипаче для Россіи“, гдѣ раскрывалъ картину оголенія Россіи отъ лѣсовъ и вредныя послѣдствія этого

факта. Печальному положенію лѣсовъ родины, Каразинъ указывалъ исходъ, обращая вниманіе на выгоду лѣсоразведенія, и въ виду поднятія цѣнности земли, а иногда и утилизаціи никуда не годной почвы; нѣкоторые помѣщики дѣйствительно достигли такихъ результатовъ: «Умершій змѣвской помѣщикъ Иванъ Яковлевичъ Д-скій оставилъ своимъ дѣтямъ до семи сотъ десятинъ бора, которымъ онъ покрылъ сыпучіе нѣкогда пески, и многія изъ сосенъ уже строевыя деревья о сю пору. Д-скій, по ходатайству гражданскаго губернатора Бахтина, былъ награжденъ за это орденомъ св. Владиміра» ¹⁾. Очень вѣроятно, что эта награда—слѣдствіе хлопотъ В. Н. Каразина во имя общей идеи, которому Бахтинъ во многомъ сочувствовалъ и содѣйствовалъ. Рядомъ съ хлопотами о лѣсоразведеніи Вас. Наз. занимался акклиматизаціей новыхъ родовъ деревъ, выписываемыхъ имъ при посредствѣ заграничныхъ комиссіонеровъ. Помѣщикамъ указывалъ на то-же занятіе и безкорыстно предлагалъ свои хлопоты всѣмъ желающимъ слѣдовать его примѣру: «Я лично берусь за труды выписки сѣмянъ и высадковъ» («Харьк. Вѣд.» 1838, № 15, стр. 148).

О химическихъ и техническихъ опытахъ Каразина, примѣнительно къ потребностямъ домоводства, мы находимъ свѣдѣнія также въ статьяхъ, печатанныхъ позднѣе. Въ лабораторіи Каразина приготовлялась особая крупа изъ картофельнаго крахмала съ яйцами, превосходившая своимъ вкусомъ и питательностью всѣ роды крупъ, макароны на мясномъ отварѣ, крахмалъ, солодило или діастазъ, спиртъ; приготовлялось коровье масло при помощи селитры и сахара, хорошо, въ такомъ случаѣ, сохранявшееся и приобрѣтавшее лучшій вкусъ, кофе изъ цикорія и лѣсного проса, близко подходившаго вкусомъ къ настоящему кофе;

¹⁾ О прекрасной личности. Ив. Ив. Бахтина сообщаетъ намъ свѣдѣнія Фил. Вас. Каразинъ. Василій Назаровичъ просилъ имп. Александра назначить этого человѣка на мѣсто губернатора Артакова; когда указъ состоялся, Вас. Наз., до его объявленія, снялъ потихоньку копію и прочелъ ее за обѣдомъ у Бахтина въ присутствіи всѣхъ гостей; затѣмъ вышелъ въ переднюю, принесъ оттуда бутылку кліко и предложилъ присутствующимъ выпить за здоровье новаго губернатора.—Выборъ Вас. Наз.-ча былъ очень удаченъ. Иванъ Ивановичъ въ продолженіе своей 13-тилѣтней службы содѣйствовалъ университету, а послѣ отставки, харьковцы въ знакъ признательности поднесли любимому губернатору 40 тыс. рублей въ уплату его долговъ. Имя Бахтина было вырѣзано на мраморной доскѣ, висѣвшей въ залѣ дворянскаго собранія. Графъ Поттоцкій съ глубокимъ уваженіемъ аттестовалъ личность Бахтина (въ рескриптѣ отъ 19 апр. 1804 года Завадовскому) „Русс. Стар.“ 1875 г. т. XIV стр. 278—279.

эссенции изъ разныхъ огородныхъ душистыхъ травъ для кушаній; свѣчи изъ стеарина, воска и «апосидора» (сколько его въ окружающихъ овцахъ и другой падали полуденныхъ стадъ!.. Нонъ у насъ даже и волкамъ не всегда идетъ въ пользу); оттопленные мозги разныхъ животныхъ для французской помады, дешевое мыло изъ животнаго сала и растительныхъ маслъ; разные аптекарскіе препараты, эссенции цѣлебныхъ растений, масло шпанскихъ мухъ, соду, селитру, скипидаръ, нашатырь, мѣдный купоросъ; деготь изъ коры древесной, эссенции для душистыхъ ваннъ¹⁾, краски изъ различныхъ богатыхъ красящимъ сокомъ растений, (марены, дроку), сахарную кислоту (*acidum oxalicum*), необходимую для красильныхъ фабрикъ и выписываемую изъ-за границы, добывался «пирогононъ»; эссенция дубильной кислоты, доведенная до густоты патоки, употреблялась самимъ Каразинымъ для выдѣлки прекрасной перчаточной кожи изъ шкуръ зайцевъ²⁾. Все вышеописанное не было одними мыслями Вас. Наз-ча; каждый продуктъ былъ имъ самимъ выработанъ и слѣдовательно наглядно представлялъ возможность обработки его; ибо Каразинъ рекомендовалъ обществу то или другое производство; кромѣ упомянутыхъ удачныхъ опытовъ, вѣроятно, Каразинъ работалъ еще очень много по подобнымъ же предметамъ, не достигая благополучныхъ результатовъ; о томъ мы находимъ намеки въ его статьяхъ³⁾. Но, кажется, рѣдко принимались обществомъ свѣдѣнія, доставляемые трудами и заботами Каразина. Мы имѣемъ указанія на одно изобрѣтеніе, получившее примѣненіе—это лекарство Каразина противъ холеры⁴⁾.

¹⁾ „Парижанки ими будутъ наслаждаться“: „des bains russes? des bains à extraits? mais c'est délicieux“!..

²⁾ „Хар. Губ. Вѣд.“ 1840 г. № 39, 40, 41, стр. 339—345, 351—353 и 363—365.

³⁾ Москвитянинъ, ч. III, № 6 1842 г., стр. 387.

⁴⁾ Дѣло было въ 1830 году, когда въ Москвѣ и другихъ городахъ Россіи свирѣпствовала холера. Рецентъ своего средства Вас. Наз. послалъ въ Москву М. П. Погодину: „Поздравляю васъ отъ всего сердца на новомъ поприщѣ благотворенія“,—писалъ Вас. Наз. Погодину, который принималъ разныя мѣры во время эпидеміи: издавалъ особое прибавленіе къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» имъ редактированнымъ, „Вѣдомость о состояніи города Москвы“, чтобы предупредить панику населенія отъ разныхъ ложныхъ слуховъ, занимался сборомъ и распределеніемъ пожертвованій пострадавшимъ семьямъ и проч. „Донесите, пожалуйста князю Дмитрію Владиміровичу (московск. ген.-губ.), ибо полагаю, что вы ему докладываете лично, что я послалъ подъ адресомъ г. издателю „Московскихъ Вѣдомостей“ средство про-

Приборы для опытовъ вычерчивалъ и составлялъ самъ В. Н. Каразинъ. Отличительная ихъ черта—удивительная простота. Всякій приборъ исполнялъ сразу нѣсколько назначеній: служа для обработки какого-либо продукта сельского хозяйства, онъ, въ тоже время, сохранялъ многіе полезные составные элементы, обыкновенно пропадавшіе въ воздухѣ или выбрасываемые. При добываніи спирта изъ вишенъ, сохранялась алая краска ихъ, при сушкѣ дровъ въ простыхъ жестяныхъ цилиндрахъ собиралось цѣнное «коптило», при сженіи угля добывалась одновременно смола, уксусъ и проч. Способности В. Н. Каразина въ техникахъ сказались особенно ярко въ проектѣ, даже сооруженіи паровой лодки (еще въ 1809 г.) и въ идеѣ отапливать зданія водяными парами. Теперь въ безчисленномъ множествѣ случаевъ пользуются этой идеей, но едва ли кто знаетъ, что первая мысль о томъ принадлежитъ В. Н. Каразину. Проектъ свой Вас. Наз. посылалъ въ Петербургъ, въ комиссію для перестройки зимняго дворца, съ детально вычерченными частями; но комиссія «сдала проектъ въ архивъ», а въ 1841 году нѣмецъ Кипферлингъ выдавалъ за свое изобрѣтеніе проектъ В. Н. Каразина¹⁾.

тивъ холеры, которое вѣрно, лишь бы только было употреблено надъ разнемогающимъ еще. Это русская баня. Предохранительное же для пріема внутрь, которое я вамъ, какъ другу, рекомендую, состоитъ въ горькой водѣ, по утрамъ на тощій желудокъ принимаемой. Смѣсь изъ одной части полыня, или одного трилистника, и двухъ частей хмелю въ томъ видѣ, какъ онъ хлѣбниками и пивоварами употребляется; наливается кипяткомъ и поставить немножко погрѣть. Сей смѣсь одной щепотки на чашку кипятку довольно. Но послѣ должно простудить и пить холодное“. (Н. Барсуковъ „Ж. и Тр. М. П. Погодина“, т. III, стр. 216—217). Въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1860 г. № 92 находимъ письмо моск. ген.-губернатора Дмитрія Голицина отъ 21 окт. 1830 г.: „М. Г. мой Василій Назаровичъ! Письмо ваше ко мнѣ отъ 15 окт. и приложенныя при ономъ бумаги объ изобрѣтенномъ вами способѣ леченія болѣзни холеры я препроводилъ къ г. управляющему министерствомъ вн. дѣлъ на тотъ конецъ, дабы онъ представилъ изъясненный въ бумагахъ способъ леченія разсмотрѣть медицинскому совѣту управляемаго имъ министерства... Въ примѣчаніи къ послѣднему письму Фил. Вас. Каразина значится: «Докторъ Маркусъ одобрилъ этотъ способъ леченія холеры, какъ видно изъ замѣтки рукой Вас. Назаровича на этомъ письмѣ».

¹⁾ Въ доказательство авторства Каразина идеи о паровомъ отопленіи приведемъ слѣдующее свидѣтельство самого Каразина: «Когда дошло къ намъ въ Харьковъ прискорбное извѣстіе о пожарѣ зимняго дворца, то я 5 генваря 1838 года отправилъ въ С.-Петербургъ мою идею о безопасномъ отопленіи; въ февралѣ-же мѣсяцѣ того года пре-

Опыты, конечно, стоили не малыхъ затратъ денегъ и сильно подтачивали разстроенное состояніе неугомоннаго Каразина, а широкой цѣли своей—поднятія хозяйства въ южной Россіи Каразинъ не достигалъ даже отчасти. Сколько ученыхъ и изобрѣтателей и теперь спѣшатъ спасти свои идеи за границей отъ нашей обломовщины! Въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія безучастіе русскаго общества къ научнымъ новостямъ, хотя бы чисто прикладного къ жизни характера, было еще сильнѣе; вотъ какъ *оффициально* отзывался о научныхъ занятіяхъ В. Н. Каразина харьковскій подполковникъ Бахметовъ на запросъ сенатора Горюли, отъ 28 авг. 1829 года: «Нынѣ г. Каразинъ занимается составленіемъ разныхъ проектовъ, но съ меньшею дѣятельностью и большею осторожностью. Они большею частью относятся къ сему краю и представляютъ, такъ же какъ и прежде написанные, произведенія пылкаго воображенія и остраго ума, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ничтожности по неосновательности». Изъ того же донесенія можно заключить, что Каразинъ «проживалъ въ деревнѣ со своимъ семействомъ и рѣдко пріѣзжалъ въ губернскій городъ, да и то на короткое время»¹⁾. Между прочимъ Вас. Наз. «прочно занимался личнымъ наблюденіемъ за воспитаніемъ собственныхъ дѣтей и самъ училъ ихъ». Въ 1825 году онъ хлопоталъ о напечатаніи сочиненія сына его Василія, въ то время студента физико-матем. факультета харьковскаго университета «Иліодо-метръ, для повѣрки часовъ». Книгу эту, состоящую изъ двухъ частей, издалъ Вас. Наз. въ томъ же году. Хлопоталъ о напечатаніи статьи того же сына «О лунѣ» въ Украинскомъ журналѣ (1824 г.)²⁾.—«Кругъ знакомыхъ Каразина,—докладывалъ Бахметовъ,—состоитъ въ лучшемъ обществѣ здѣшней губерніи и незамѣтно, чтобы какіе либо предосудительные люди были съ нимъ въ связи». Дѣйствительно, переписка съ видными лицами не прекращалась. «Живя въ деревнѣ, Вас. Наз. велъ громадную

проводилъ и чертежи. То и другое мнѣ возвращено вслѣдствіе моей просьбы по полученіи Берлинскаго извѣстія (Кипферлянга), для изданія въ печать; въ чемъ могу удостовѣрить всякаго двумя благосклонными письмами Е. С. Г. А. Х. Б. (вѣроятно: Его Сіятельства графа Александра Христофоровича Бенкендорфа). Первое отъ 31-го генваря 1838, за № 361, а второе отъ 24 марта 1842 годовъ, за № 1818». («Нѣсколько предложеній добраго гражданина», Одесса, 1842. Предувѣдомленіе, стр. 3—4.

¹⁾ Русская Старина 1903 года, апрѣль, стр. 12.

²⁾ «Украинская Старина», стр. 149. Русск. Стар. 1903, апр., стр. 19.

переписку, — говоритъ его сынъ, — писалъ въ годъ до 1200 писемъ. И, что замѣчательно, въ то время, какъ онъ писалъ, рядомъ съ нимъ сидѣлъ грамотный его слуга и тутъ же копировалъ его письма. Одно время списывалъ слуга его Яковъ Котенко. Последнимъ списывателемъ его писемъ былъ крѣпостной человѣкъ его Ѳеодоръ Манжеренко, послѣ прикащикъ села Кручика» ¹⁾). Къ сожалѣнію масса писемъ погибла во время пожара деревенскаго дома въ 1836 году. Но достаточно важнымъ доказательствомъ уваженія и признательности харьковскаго общества, которому Василій Назаровичъ принесъ въ жертву свое благосостояніе и посвятилъ жизнь свою, служить заочное избраніе его въ 1824 году «въ совѣстные судьи въ Харьковѣ», и это тогда еще, когда надъ Каразинымъ висѣло запрещеніе выѣзда изъ деревни. Избраніе Василя Назаровича не было утверждено.

Лѣтомъ 1828 года Каразинъ ѣздилъ въ Петербургъ, но сколько времени онъ былъ тамъ, неизвѣстно. Проѣздомъ черезъ Москву онъ познакомился съ извѣстнымъ М. П. Погодинымъ, въ то время редакторомъ «Московского Вѣстника». Съ перваго знакомства они сблизились такъ, что Каразинъ изъ Царскаго Села писалъ Погодину (отъ 28 іюня 1828 г.): «Обязательная ваша привѣтливость въ проѣздъ мой черезъ Москву никогда не выйдетъ изъ моей памяти». Результатомъ этого сближенія было то, что Каразинъ имѣющуюся у него «Статистику Петровскаго времени» ²⁾, которая досталась ему черезъ жену, внучку знаменитаго историка Петра Великаго, Ивана Ивановича Голикова, передалъ Погодину для изданія. Погодинъ былъ очень радъ своему научному пріобрѣтенію. вмѣстѣ съ Каразинымъ, онъ началъ дѣйствовать въ пользу изданія, которое было сопряжено съ большими издержками. Подъ объявленіемъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» объ изданіи Статистики, въ числѣ издателей на первомъ мѣстѣ подписался «Василій Каразинъ, статскій совѣтникъ, правитель дѣлъ Харьковскаго Филотехническаго общества, разныхъ Россійскихъ университетовъ и ученыхъ обществъ дѣйствительный и почетный членъ». Но Василій Назаровичъ, вѣроятно, участвовалъ въ изданіи, главнымъ образомъ, своими хлопотами (ибо, выпуская Статистику, Погодинъ объявилъ себя одного издателемъ, объясняя,

¹⁾ „Украинская Старина“, стр. 150.

²⁾ Составлена около 1727 года тогдашнимъ оберъ-секретаремъ Правительствующаго Сената статскимъ совѣтникомъ Кирилловымъ. (Н. Барсуковъ. «Жизнь и труды М. П. Погодина», часть третья, стр. 291. Спб. 1803).

что Каразинъ отказался отъ участія ¹⁾. Между прочимъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія князь Ливень обѣщаль Каразину лично, что эту статистику будетъ рекомендовать университетамъ черезъ попечителей, чѣмъ до нѣкоторой степени обезпечивался сбытъ изданія ²⁾. Когда появились первые листы отпечатанной статистики Петрова времени, В. Н. Каразинъ задумалъ новое предпріятіе, осуществить которое думалъ совмѣстно съ М. П. Погодинымъ. Это изданіе «Отечественнаго Архива». Цѣль изданія—сохранить гибнушіе историческіе документы, находящіеся въ рукахъ частныхъ лицъ, съ полной точностью перепечатывая ихъ на страницахъ журнала. Изданіе «посвящено единственно сему предмету (т. е. сообщенію и опубликованію въ свѣтъ документовъ по русской исторіи), съ сохраненіемъ дипломатической точности, указаніемъ источниковъ, повѣркою оныхъ, съ наблюденіемъ систематическаго порядка, по крайней мѣрѣ, *совмѣстно съ таковымъ собраніемъ*; словомъ что-нибудь похожее на *богатыя свѣдѣніями Бишиньовы и Шлецеровы* изданія для Германіи». Въ первые томы изданія В. Н. Каразинъ предполагалъ помѣстить драгоцѣнныя рукописи, наполнявшія его сельскую библіотеку, отчасти имъ самимъ собранныя, отчасти унаследованныя черезъ жену отъ И. И. Голякова. По мѣрѣ того какъ общество узнаетъ объ изданіи, оно само будетъ присылать отовсюду имѣющіеся матеріалы для печати. Первоначальные расходы по изданію Каразинъ думалъ предложить Ал. Серг. Ширяеву, извѣстному тогда московскому книгопродавцу и содержателю Университетской книжной лавки на Страстномъ бульварѣ. Этотъ Ширяевъ уже издавалъ на свои средства статистику Кириллова, которую Каразинъ хотѣлъ считать первымъ томомъ «Отечественнаго Архива». Коммерческую сторону предпріятія Каразинъ разработалъ такъ: 60% чистой выручки шло доставившему печатанные документы; 16%—Ширяеву за комиссію и 24%—Погодину за хлопоты съ типографіею, граверами и литографами (изданіе предполагалось быть иллюстрированнымъ картами, планами и картинами. Ширяевъ отказался отъ участія въ проектѣ В. Н. Каразина 13-го августа 1828 года). Каково было отношеніе къ тому М. П. Погодина, мы не знаемъ, но изданія не было, и послѣ пожара въ Кручикѣ мы лишились богатѣйшихъ историческихъ матеріаловъ, составлявшихъ библіотеку Вас. Наз—ча ³⁾. Мысль объ изданіи историческихъ документовъ не

¹⁾ Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина“, часть III, стр. 288. 1893. СПб.

²⁾ Тамъ же; часть вторая, стр. 203—206.

³⁾ Русскій Архивъ, 1893 года, январь, стр. 97—98.

въ первый разъ таилась у В. Н. Каразина. Въ 1818 году на страницахъ «Благонамѣреннаго»¹⁾ онъ предлагалъ изъ Кручика повторить пріемъ историка Ив. Ив. Голикова—объявить по всей Россіи о присылкѣ для напечатанія хранящихся въ частныхъ домахъ письменныхъ документовъ. Но что значилъ въ то время голосъ какого то помѣщика богодуховскаго уѣзда²⁾.

Дружба съ Погодинымъ продолжалась у Вас. Наз—ча до конца жизни; Погодинъ всегда бывалъ у Каразина, когда приходилось бывать вблизи Харькова³⁾, переписывался съ нимъ по разнымъ вопросамъ частнаго и общественнаго характера. «Приверженность Погодина къ славянамъ, впервые возбужденная Шлецеромъ, возрастала благодаря знакомству и сближенію его

1) № XII, Смѣсь, стр. 324—329.

2) «Нѣтъ, думаю, челоѣка во всей Малой Россіи, который имѣлъ бы болѣе Каразина способностей и средствъ къ приобрѣтенію матеріаловъ по всѣмъ частямъ о здѣшнемъ краѣ... На него моя крѣпкая надежда»,—писалъ Погодинъ въ своемъ дневникѣ въ 1827 году, намѣреваясь привлечь въ «Моск. Вѣсти.» В. Н. Каразина. (Барсуковъ, „Ж. и Тр. Погод.“, т. II, стр. 109.

3) Барсуковъ рассказываетъ со словъ Погодина о посѣщеніи имъ В. Н. Каразина: Погодинъ вмѣстѣ съ спутникомъ своимъ Щелкинымъ рано утромъ пріѣхалъ къ Каразинымъ, которые были рады гостямъ «безъ памяти». Но телѣжка дала Погодину и его спутнику себя почувствовать. «Растрясло насъ жестоко», замѣчаетъ онъ, «и мы свалились, какъ ни перемогались». Отдохнувши, Погодинъ сталъ знакомиться съ окружающимъ и глаза его „разбѣжались на драгоценную бібліотеку, которой должно посвятить недѣлю, а я спѣшу“. Затѣмъ гулялъ по саду, по рошѣ, устроенной въ деревнѣ. „Просвѣщенный челоѣкъ“, замѣчаетъ Погодинъ о хозяинѣ, „знаетъ всякую траву, вездѣ памятники, вездѣ доказательства просвѣщенія“. Каразинъ читалъ гостямъ разныя свои письма къ министрамъ, въ которыхъ, по мнѣнію Погодина „много излишняго и вреднаго для него“.

Въ эту же ночь на той же телѣжкѣ путешественники выѣхали въ Харьковъ... Здѣсь Погодинъ получилъ письмо отъ Каразина слѣдующаго содержанія „Бога вы не боитесь; какъ можно такимъ образомъ посѣщать друзей въ Украинѣ! Пуще всего для меня больно то, что я не догадался попочивать васъ покоемъ, въ которомъ вы, прѣхавъ всю ночь на почтовой телѣжкѣ, имѣли прекрайнюю нужду. Я воображалъ, что вы имѣли покойнѣе экипажъ, слѣдовательно, по обыкновенію, спали и выспались, на пескахъ особливо, отъ Харькова до Ольшаны, и отъ Богодухова до насъ. Уложивъ васъ во второмъ уже часу, тутъ я узналъ, увидѣвъ вашу повозку, что ни тѣмъ было начинать, чтобы водить васъ по своему парку и читать“. (Барсуковъ, т. II, стр. 318).

съ Венелинымъ и Каразинымъ», пишетъ биографъ Погодина ¹⁾. «Во время пребыванія Каразина зимою 1828 года въ Москвѣ, Погодинъ бесѣдовалъ съ нимъ о славянскомъ вопросѣ, и обрывокъ изъ этихъ бесѣдъ сохранился въ *Дневникъ* его: «Къ Каразипу обѣдать. Планъ его основать сербское государство, подъ покровительствомъ Россіи, куда бы стеклись всѣ австрійскіе славяне» ²⁾. Проекты и мысли Василія Назаровича находили себѣ сочувствіе у М. П. Погодина. Въ 1868 году, печатая въ издаваемомъ имъ журналѣ «Русскій» ³⁾ проектъ уже покойнаго Каразина, поданный князю Чарторижскому о возвращеніи политическаго существованія славянскимъ народамъ, находящимся подъ игомъ иноплеменниковъ, Погодинъ замѣтилъ: «Читатели! Это писано въ 1804 году! Славяне! Помянемъ добромъ и благодарностью горячаго автора, котораго близорукіе и односторонніе современники называли мечтателемъ» ⁴⁾. Погодинъ и Каразинъ дѣйствовали опять рука-объ-руку и въ заботахъ по издацію «Москвитянина», «Молодика» и по разнымъ литературнымъ вопросамъ.

Въ концѣ 1828 года и началѣ 1829—В. Н. Каразинъ былъ снова въ Москвѣ. Объ этомъ судимъ по издаваемымъ въ это время за его подписью книгамъ въ Москвѣ и печатаемымъ въ періодическихъ изданіяхъ сочиненіямъ его. Въ декабрѣ 1828 года была имъ составлена статья «О удобнѣйшемъ способѣ сохранять и перевозить питательныя и цѣлебныя вещества», которую издавалъ въ началѣ 1829 г.; въ томъ же году онъ издавалъ VI т. «Актвъ Филотехническаго Общества» и печаталъ въ «Историческомъ, статистич. и географ. журналѣ» замѣчанія свои «О древностяхъ Слободско-Украинской губерніи» и т. п. Жилъ въ это время за Арбатскими воротами въ домѣ генераль-маіора Базилевича—какъ значится его собственной рукой въ экземплярѣ «Актвъ фил. общ—ва», поднесенномъ графу В. П. Кочубею 12-го апрѣля 1829 года ⁵⁾.

27 сентября 1828 года, слободско-украинское дворянство, руководясь обширными знаніями Каразина, его честностью и неутомимой дѣятельностью на пользу Украины, постоянно обращавшей на себя вниманіе общества, избрало Василія Назаровича

¹⁾ Тамъ же, стр. 203—206.

²⁾ Дневникъ 1828 г. подъ 6-мъ декабря.

³⁾ „Русскій“ 1868 г., № 15, стр. 289—294.

⁴⁾ Барсуковъ. «Жизнь и труды М. П. Погодина», книга третья, стр. 290—291.

⁵⁾ Этотъ экземпляръ находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

въ предсѣдатели уголовной палаты¹⁾. Извѣстіе объ этомъ избраніи оживило Каразина; онъ уже видѣлъ передъ собою картину будущей дѣятельности на пользу горячо любимой родины, радовало его и вниманіе харьковскаго общества, какъ видно понявшаго самоотверженные труды его. Постановленіе дворянства пошло на утвержденіе законнымъ порядкомъ и какъ въ воду кануло: прошелъ 1828 годъ и половина слѣдующаго. Каразина не безъ основанія безпокоили исходъ дѣла: не такъ давно (въ 1824 году) избраніе его въ совѣстные судьи не было утверждено; можно было ожидать и теперь того же. Между тѣмъ Василій Назаровичъ очень дорожилъ возможностью расширить кругъ своей общественной дѣятельности и рѣшилъ самъ похлопотать объ утвержденіи себя въ должности. 22 іюня 1829 года была потребована въ Правительствующій Сенатъ копія съ формулярнаго списка о службѣ Каразина за подписью губернскаго предводителя дворянства²⁾. 6-го іюля 1829 года Каразинъ отправилъ официальную просьбу управлявшему въ то время министерствомъ юстиціи князю А. А. Долгорукому, объ исправленіи своего послужнаго списка, именно: Василій Назаровичъ указалъ на упущенія въ характеристикѣ его дѣйствій по отношенію къ Харьковскому университету³⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ, Каразинъ написалъ письмо частнаго характера Долгорукому съ изъясненіемъ причинъ своего прошенія и прибавленіемъ нѣкоторыхъ писемъ вліятельныхъ лицъ, характеризующихъ его какъ человѣка: «Не излишнимъ, вѣроятно, будетъ и приватно, *собственно для васъ* назначенное письмо при моемъ официальномъ прошеніи. Дѣло мое не изъ числа обыкновенныхъ, и оно вашему сіятельству совсѣмъ неизвѣстно. Почему я счелъ *необходимостью* приложить *при семъ письмѣ* (не при прошеніи) то, что можетъ служить къ объясненію онаго, ибо понятіемъ, которое о просителѣ будетъ имѣть вашъ *просвѣщенный* разумъ и ваше *чистое* сердце (такъ разумѣютъ о нихъ вообще въ Россіи), я дорожу, весьма мало *дорожа предстоящимъ мѣстомъ*. Оно, признаюсь, не можетъ быть для меня лестнымъ, послѣ всего со мною случившагося и утраченнаго въ продолженіе пятидесяти шести лѣтъ.—Но выполнять свято его обязанности я тѣмъ, не менѣе почту своею славою, равно какъ и зависимость отъ такого начальника, какъ вы—большою честью.

¹⁾ „Украинская Старина“ Г. П. Данилевскаго. Харьковъ, 1866 г. стр. 148.

²⁾ Незданные документы, извлеченные проф. Д. И. Багалѣмъ изъ архива Мин. Нар. Просв. Тоже: „Украинская Старина“, стр. 148.

³⁾ Тамъ же: «Русская Старина», 1903 г., апрѣль, стр. 78.

Это не слова одни, будьте въ томъ увѣрены. Я не льстилъ и царямъ, — и вотъ единственная причина, что я, при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, каковыя, вѣроятно, не возобновятся ни для кого въ мірѣ, не пошелъ далеко!..» ¹⁾ Письмо было писано въ Богодуховѣ; черезъ день изъ Кручика Василій Назаровичъ посылалъ дополненія къ письму отъ 6-го іюля: «Послѣ отправленія 6-го числа сего мѣсяца, къ вашему сіятельству, конверта моего, относительно до представленія меня въ кандидаты предсѣдателя уголовной палаты Слободско-Украинской губерніи и моего послужного списка по сему поводу, я нашелъ еще одну бумагу, которую долгомъ ставлю препроводить *также приватно* для свѣдѣнія вашего, — это прошеніе мое послѣ оставки блаженной памяти государю императору. И я предпочитаю представить его въ оригиналѣ («который, по прочтеніи былъ мнѣ возвращенъ, такъ какъ шелъ не общимъ путемъ») того самаго времени, дабы отвратить всякое сомнѣніе. Оно содержитъ въ сокращеніи всю исторію предпріятія моего о харьковскомъ университетѣ. Ваше сіятельство, извольте согласиться, что ложь не могла имѣть мѣсто въ таковомъ послѣднемъ объясненіи подданнаго съ государемъ! Не приказный это документъ, конечно... Онъ передается отъ совѣсти къ совѣсти, и просвѣщенный умъ вашъ дастъ ему полную вѣру»... Говоря затѣмъ о своихъ заслугахъ по Мин. Нар. Просв., которыя могутъ быть официально подтверждены на основаніи документовъ ²⁾, Вас. Наз. продолжаетъ, намекая на Семеновскую исторію 1820 года: «Правительство, лишивъ меня («безвиннаго») по единому подозрѣнію *всего*, въ томъ числѣ доказательствъ моихъ заслугъ, равно какъ и моей невинности, поступивъ со мною, къ стыду вѣка, безъ суда, не сохраняя даже никакой формы, обязано меня вознаградить при нынѣшнемъ случаѣ, котораго я отнюдь не искалъ и о немъ никогда не помышлялъ. Я былъ неоднократно кандидатомъ въ совѣсные судьи; теперь кандидатъ предсѣдателя уголовной палаты. Слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ имѣя на своей сторонѣ общественное мнѣніе, стану ожидать моего приговора — отъ васъ, какъ отъ генераль-прокурора, въ разумѣ Петра Великаго. Это дѣло не частное и не бездѣлица! Меня можно вновь запереть, можно конечно назвать сумасшедшимъ, или и убить ненаказанно, но я имѣю шестерыхъ сыновъ съ талантами — куда дѣвать ихъ? Дабы намъ никогда не было стыдно передъ Европою, покажемъ ей, что и мы *европейцы*!..

¹⁾ „Русская Старина“, 1903, апрѣль, стр. 78.

²⁾ О прошеніи и упоминаемыхъ документахъ говорилось въ отдѣлѣ занятій Каразина по народному просвѣщенію.

Съ сею надеждою, милостивый государь, съ надеждою, что меня взыщутъ, а не отвергнутъ по проществу многихъ лѣтъ («въ которыя безъ славы и корысти я продолжалъ быть полезнымъ отечеству по силамъ моимъ»). Благодарному графу Виктору Павловичу (Кочубею) извѣстны частію мои труды по сельскому быту, наукамъ и прочіе. Отъ васъ, сіятельнѣйшій князь, зависитъ приказать мнѣ сообщить вамъ все то, что по сей части васъ интересуетъ» ¹⁾ и проч.—Характеръ и тонъ этихъ писемъ обратили на себя вниманіе. У Каразина чрезъ земскій судъ богодуховскаго уѣзда потребовали подлинныхъ документовъ, доказывающихъ его участіе въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета. Вас. Наз. представилъ рядъ бумагъ слободско-украинскому губернатору, который 16 сентября отправилъ ихъ при официальной бумагѣ въ министерство юстиціи. Въ числѣ отправленныхъ документовъ (поименованныхъ въ письмѣ къ какому-то Михаилу Ивановичу отъ 22 сент. 1829) были копіи съ жалобы Капустянского, изюмскаго предводителя («грубая сія жалоба да будетъ первымъ доказательствомъ» участія моего въ дѣлѣ основанія университета — писалъ Каразинъ), съ постановленія Сумскаго дворянства о благодарности В. Н. Каразину (сент. 1802 г.) съ рѣчи, напечатанной въ Вѣстн. Евр. 1803 г. авг. (къ харьковскимъ дворянамъ 1802 г.), и рядъ писемъ къ В. Н. Каразину разныхъ высшихъ должностныхъ лицъ ²⁾.

Но не успѣли оправдывающіе В. Н. Каразина документы прійти въ Петербургъ, какъ состоялось рѣшеніе Правительствующаго Сената (19 сент. 1829 г.), которымъ принимался отказъ перваго кандидата въ предсѣдатели Уголовной Палаты Гиржева (Каразинъ былъ вторымъ кандидатомъ), но не утверждались избраніе и кандидатура В. Н. Каразина. Указъ Сената 19 сентября 1829 г. на имя Слоб.-Укр. гражданскаго губернатора Каховского, относительно В. Н. Каразина, гласилъ такъ: «Касательно представленнаго нынѣ кандидатомъ ст. сов. Каразина, то Правительствующій Сенатъ, усматривая изъ рапорта вашего, что изъ дѣлъ предмѣтниковъ вашихъ видно, что по Высоч. повелѣ-

¹⁾ Русская Старина, 1903 г., апрѣль, стр. 9—12.

²⁾ Отношеніе статсъ-секретаря т. сов. Мих. Ник. Муравьева отъ 12 ноября 1802 г. за № 1924, къ мин. нар. просв.: письмо гр. П. П. Коновницына къ Каразину; копія съ записки въ концѣ 1804 г. представленной мин. вн. д. въ оправданіе своихъ дѣйствій и офиц. отношеніе къ Каразину за № 5483, 1815 г. управл. военн. мин. кн. Горчакова I-го и мин. вн. д. О. Козодавлева. Упоминается еще о нѣсколькихъ документахъ, обозначенныхъ лишь литерами. (Неизд. документы, хранящ. у пр. Д. И. Багалѣя).

нію, объявленнаго въ предписаніи бывшаго начальника Главнаго Штаба Е. И. Вел., отъ 10 мая 1821 г. ему Каразину назначено было непремѣнное мѣстопробываніе въ помѣстьѣ его Слоб.-Укр. губ., съ запрещеніемъ выѣзда изъ онаго и съ подтвержденіемъ о наблюденіи, съ кѣмъ онъ будетъ имѣть сношеніе и чѣмъ будетъ самъ заниматься, а по таковому же высочайшему повелѣнію, объявленному въ предписаніи начальника Главнаго Штаба отъ 5 января 1826 г. разрѣшено Каразину право жить, гдѣ пожелаетъ, съ дозволеніемъ имѣть пребываніе и въ Москвѣ, кромѣ однакожь С.-Петербурга впредь до позволенія, и съ тѣмъ, чтобы воздержался отъ всякаго сужденія, до него непринадлежащаго, а потому Правит. Сенатъ и не можетъ представить его въ кандидаты на Высочайшее утвержденіе Предсѣдателемъ въ Палату Уголовнаго Суда и *полагаетъ поставить на видъ Дворянскому Собранію неумѣстность такового выбора* ¹⁾. Итакъ, дѣло кончилось не только неуспѣхомъ В. Н. Каразина, но и выговоромъ харьковскимъ дворянамъ за его избраніе.

Тѣмъ не менѣе управлявшій Министерствомъ Юстиціи тов. мин. Д. Дашковъ нашель требованія В. Н. Каразина о пополненіи формулярнаго списка вполне справедливыми и заслуживающими вниманія, почему 13 ноября 1829 года послѣдовала изъ департамента Мин. Юстиціи на имя Слободско-Украинскаго гражд. губ. Каховскаго официальная бумага, въ которой предлагалось послѣднему составить вмѣстѣ съ губ. предв. дворянства новый, исправленный послужной списокъ В. Н. Каразина, соотвѣтственно съ данными присланныхъ имъ въ министерство бумагъ ²⁾ Каховской въ свою очередь, 13 дек. 1829 г., отнесся къ губернскому предводителю Времеву съ предложеніемъ исправить формуляръ Каразина ³⁾. Времева поручилъ это исправленіе самому Каразину, какъ это видно изъ приписокъ послѣдняго къ копіи первоначальнаго списка (10 янв. 1830 г.). В. Н. внесъ между прочимъ извѣстныя уже намъ данныя о «художникахъ» и слѣдующія біографическія о себѣ свѣдѣнія. «Въ 1811 г. былъ учредителемъ Высочайше потомъ одобреннаго Филотехническаго общества; получилъ благодарность изъявляющіе отзывы министровъ:

¹⁾ Дѣло Харьк. Губ. Пред. Двор. о ст. сов. Василю Каразинѣ, кандидатѣ въ Предс. Пал. Уг. Суда здѣшней губерніи, и полковникѣ Веселовскомъ, избранномъ въ сіе званіе. 1829—1830 гг. № 65. Листъ 16 Архивъ Харьк. Деп. Двор. Собр.

²⁾ Дѣло объ отношеніи гражданскаго губерн. о дополненіи форм. списка ст. сов. В. Каразина 1829 г. 15 л. № 22 по Описи дѣлъ Губ. Предв. 1828—1835 гг. Листъ 4 и 5. Арх. Харьк. Двор. Собр.

³⁾ То же дѣло, листы 1, 2 и 3-й.

внутреннихъ дѣлъ (за учрежденіе и успѣшный ходъ Филотехническаго общества) 1815 г. 15 апр.; военныхъ силъ (за представленіе объ облегченіи заграничнаго продовольствія войскъ и флота, которое одобрено учрежденнымъ нарочно для разсмотрѣнія сего комитетомъ, и о умноженіи въ государствѣ селитры) 1815 г. августа 20; полиціи (за представленіе особливой идеи о хлѣбныхъ магазинахъ) 1817 г. Вторично былъ избранъ депутатомъ Слободско-Украинскаго дворянства для Всеподданнѣйшаго ходатайства о неразрушимости привилегій сей губерніи 1819 г. февр.¹⁾ 14 января Каразинъ благодарилъ Времева за исправленіе послужнаго списка и просилъ выдать себѣ копію съ него²⁾. Въ началѣ 1830 г. исправленный формуляръ за утвержденіемъ собранія губернскаго дворянства былъ отправленъ въ силу указа Сената отъ 19 сент. 1829 г. не въ это учрежденіе, а въ Министерство Юстиціи, причемъ свое постановленіе собраніе мотивировало тѣмъ, что «отдавать справедливость заслугамъ есть одинъ изъ признаковъ прямо благородной души», и что «господинъ Каразинъ изъ сего подвига (основанія университета) собственно для себя не стяжалъ никакой награды³⁾.

Въ то время какъ въ Сенатѣ проходила кандидатура Каразина, сенатору ген.-лейт. Горголи поручено было собрать свѣдѣнія о поведеніи Каразина, какъ въ частной его жизни, такъ и въ соотношеніяхъ съ другими, «узнать объ его занятіяхъ и съ какими людьми наиболѣе стоитъ онъ въ связяхъ, т. е. съ честными и скромными или съ безпокойными и строптивыми. «Статскій совѣтникъ Каразинъ, сказано было въ рапортѣ подполковника Бахметева Горголи отъ 28 августа 1829 года, вообще извѣстенъ, какъ человѣкъ одаренный пылкимъ умомъ и способностью изъясняться, какъ словесно, такъ и письменю, имѣя, сверхъ природныхъ дарованій, хорошія свѣдѣнія въ наукахъ и образованность. Поведеніе его ни съ какой стороны *порицанія не заслуживаетъ*: въ частной жизни его ничего худого не замѣчено.—Занятія его въ быту частномъ состояли въ составленіи проектовъ по частямъ мануфактурной, агрономической, особаго образа управленія крестьянами и нѣкоторыхъ перемѣнъ въ государственныхъ постановленіяхъ, въ коихъ онъ излагалъ политическія мнѣнія свои. Успѣхъ ни въ чемъ не благопріятствовалъ г-ну Каразину: по части сельскаго хозяйства ни одно изъ его

¹⁾ То же дѣло, л. 7, 8 и 9.

²⁾ То же дѣло, л. 12.

³⁾ Архивъ Харьк. Губ. Правл. за 1829 г. Дѣло за № 279, стр. 16—17.

мнѣній не оказалось возможнымъ къ приведенію его въ дѣйствіе. Одинъ онъ дѣлалъ въ томъ опыты и состояніе его весьма разстроено. Образъ мыслей его, въ отношеніи къ правительству, понудилъ принять противъ него мѣры строгости, дабы удержать въ пристойныхъ границахъ». Общество въ которомъ вращался Каразинъ заслужило одобреніе Бахметева. Горголи, въ письмѣ къ графу А. Х. Бенкендорфу, прибавлялъ со своей стороны, что Каразинъ, «не касаясь способностей его ума, въ поведеніи своемъ, сколько мнѣ извѣстно, не имѣетъ ничего предосудительнаго, проживаетъ въ деревнѣ съ своимъ семействомъ и рѣдко пріѣзжаетъ въ губернскій городъ, да и то на короткое время»; что осенью 1829 года онъ находился въ Харьковѣ «для помѣщенія сына своего въ учебное заведеніе университета, а также по случаю ожиданія имъ высочайшаго утвержденія, по избранію дворянства въ предсѣдатели уголовной палаты. Впрочемъ, на здѣшнее дворянство имѣетъ онъ вліяніе очень малое»¹⁾—Несмотря на такую вполне удовлетворительную аттестацію, вопросъ о предсѣдательствѣ Каразина въ Палатѣ Уголовнаго Суда, какъ мы видѣли, не получилъ осуществленія.

1830 и 1831 годы Василій Назаровичъ, кажется, нигде далеко не отлучался: по прежнему, живя въ Кручикѣ, онъ интересовался жизнью, переписывался съ друзьями. Между прочимъ хлопоталъ сколько могъ (въ 1830 г.) у вліятельныхъ лицъ Петербурга по поводу назначенія въ харьковскій округъ новаго попечителя. Въ интересахъ харьковцевъ онъ просилъ «не опредѣлять того или другого сверху, безъ сношенія съ университетомъ»²⁾ Посылалъ въ томъ же году Погодину свое средство противъ холеры, тогда свирѣпствовавшей въ Москвѣ. Въ Украинѣ въ 1830 г. былъ неурожай; Каразинъ откликнулся и на это событіе. Онъ послалъ Слоб.-Укр. губернатору Каховскому рецептъ, какъ увеличить питательность хлѣба на $\frac{1}{4}$ и даже $\frac{1}{3}$ при тщательномъ выполненіи его; для этого предлагалось ставить хлѣбъ не на водѣ, а на отварѣ исландскаго моха (въ большомъ количествѣ росшаго въ Слоб. Укр. губ.), который въ большомъ количествѣ содержитъ въ себѣ студень (желатинъ). Губернаторъ принялъ къ свѣдѣнію предложеніе, обратился къ губ. предв. дворянства, кото-

¹⁾ Письмо Горголи къ Бенкендорфу 31 авг. 1829 г. Рус. Стар. 1903 г. апр., стр. 12.

²⁾ Письмо Каразина къ Селиванову отъ 20 марта и 23 апр. 1830 г. Копіи. хранятся у пр. Д. И. Багалѣя.

рый въ коніяхъ разослалъ рецентъ уѣзднымъ предводителямъ для распространенія. ¹⁾).

Въ концѣ 1831 г. Каразинъ пріѣхалъ въ Москву для опредѣленія своего сына (Александра Вас.) на службу въ министерство иностр. д., о чемъ просилъ гр. Нессельроде; тотъ благосклонно отвѣтилъ на просьбу. Но Каразинъ, не довѣряя злой своей судьбѣ, все-таки беспокоился за успѣхъ дѣла и, предполагая, что сыну могутъ повредить, писалъ 13 ноября 1831 года шефу жапдармовъ А. Х. Бенкендорфу: «Возвратясь домой, немедленно пишу къ вамъ трепещущею рукою. Ради Бога Всемогущаго не повредите моему сыну у графа Карла Васильевича (Нессельроде); если уже повредили, исправьте это какъ-нибудь. Сжальтесь надо мною: оставьте мнѣ послѣднее это утѣшеніе. Ради Бога, ради самого Бога сжальтесь! Я, который не привыкъ никому раболѣйствовать, мысленно простираюсь у ногъ вашихъ: умоляю васъ! довольно, уже довольно»!.. Чѣмъ объяснить такое письмо? *Можетъ быть*, нѣсколько разъяснить дѣло слѣдующая приписка Вас. Наз—ча въ письмѣ къ Бенкендорфу отъ 15 ноября: «Въ смертельномъ страхѣ просилъ о сынѣ, четвертомъ изъ семерыхъ моихъ дѣтей, кои несчастны *по милости* Александра Христофоровича (ибо самъ государь, высокою его особою, не можетъ имѣть противъ меня, давно пораженнаго, ничего, вовсе ничего)!—Но буде (предположимъ) я ошибаюсь въ моемъ мнѣніи, да оправдится Александръ Христофоровичъ предъ честнымъ семействомъ *такъ*, какъ оправдываются обыкновенно честные истинно благородные люди, т. е. *благодѣаніемъ*. Это самое я и намекалъ въ первыхъ числахъ сего мѣсяца, но былъ встрѣченъ и провоженъ бранью предъ лицомъ лакеевъ въ передней!..» Фактъ казался бы намъ совершенно яснымъ если бы не письмо Бенкендорфа, отвѣчавшаго Каразину 13 ноября: «Изъ письма вашего отъ 13 ноября, писалъ Бенкендорфъ, имѣлъ я удовольствіе узнать, что вы имѣете сына,—обстоятельство, которое до сего времени мнѣ не было извѣстно. Но если бы я и узналъ, что у васъ есть сынъ, то, не имѣя никакой причины вредить ему въ мнѣніи Карла Васильевича, я прошу васъ покорнѣйше вѣрить, что наносить вредъ ближнему есть дѣло всегда чуждое моему образу мыслей». На основаніи подобнаго отвѣта Бенкендорфа, Н. Дубровинъ рѣшаетъ, что жалобы Каразина совершенно безпричинны (Русс. Ст. 1903,

¹⁾ „Дѣло о предложенномъ отъ ст. с. Каразина средствѣ употребить исландскій мохъ въ неурожайное время на хлѣбъ 1830 г“. на 7 листахъ Архивъ харьк. Двор. Деп. Собр. по описи дѣлъ Губ. Предв. за № 27.

апр. стр. 13). Очевидно, что кто-то кривилъ душой, и мы склонны думать, что неискрененъ былъ Бенкендорфъ. Изъ докладной или объяснительной записки В. Н. Каразина отъ 20 ноября того же года видно, что Бенкендорфъ нѣсколько разъ докладывалъ государю о Каразинѣ и всякій разъ со вредомъ для него. (Тамъ же, стр. 15.) Что Василий Назаровичъ постоянно просилъ возможности увидѣться лично съ государемъ и что, по его мнѣнію, «никто, кромѣ Александра Христофоровича не, могъ полагать сему препону»; что еще въ 1830 году Каразинъ «просилъ объ этомъ. По прошествіи десяти мѣсяцевъ» получилъ онъ письмо, въ которомъ Бенкендорфъ извѣщалъ о приказаніи своемъ отобрать у Каразина все, что онъ имѣетъ сказать государю, черезъ генераль-адъютанта Адлерберга (стр. 16). Недоброжелательство свое къ Каразину Бенкендорфъ довольно ясно показалъ своимъ грубымъ пріемомъ. О всѣхъ приведенныхъ мотивахъ Каразинъ упомянулъ въ официальномъ показаніи. Что касается тѣхъ словъ Бенкендорфа, гдѣ онъ говоритъ о совершенномъ своемъ незнакомствѣ съ семьей и обстоятельствами жизни Каразина, то Вас. Наз. такъ писалъ о томъ въ частномъ письмѣ къ флигель-адъютанту московскаго полиціймейстера С. Н. Муханову: «Александръ Христофоровичъ отпирается теперь отъ всякаго знакомства со мною, не зная де и имени, имѣю ли я дѣтей и проч.; лучше всего спросите супругу вашу, она можетъ вамъ сказать, что имя мое было довольно извѣстно въ домѣ Маріи Дмитріевны. Тестъ вашъ ко мнѣ милостивъ, равно какъ и графиня. У насъ найдутся и письма отъ нихъ пріятельскія въ украинской деревнѣ» (стр. 17). Не оправдываетъ Бенкендорфа и отношеніе его къ Каразину послѣ 20-го ноября.

На конвертѣ письма Бенкендорфа Каразину отъ 15-го ноября было написано: «Господину Каразину». Москва на Воздвиженкѣ, д. Кошкина. Такой адресъ возмутилъ Василия Назаровича, и онъ, не распечатывая конверта, возвратилъ его присланному жандарму при собственной запискѣ. «Необыкновенная надпись! — писалъ онъ. Она заставляетъ меня думать, что не болѣе приличія соблюдено и въ самой бумагѣ. Почему долгомъ благороднаго человѣка почитаю ее возвратить, не распечатавъ». Указывая на то, что онъ получилъ шесть рескриптовъ государя, изъ которыхъ четыре были собственноручно написаны, съ обозначеніемъ титула, имени и отчества, что недавно, именно въ 1829, 1830 и 1831 году, получилъ рядъ писемъ «отъ первѣйшихъ особъ имперіи», въ которыхъ незабыта вѣжливость, Каразинъ писалъ: «Отъ его высокопревосходительства зависитъ приказать мнѣ, что нужно чрезъ своего адъютанта, а подобныхъ отношеній я не приму, *имѣя честь быть русскимъ дворяниномъ*, — не говорю о моихъ заслу-

гахъ отечеству и о личномъ уваженіи, коимъ я въ немъ пользуюсь отъ всѣхъ знающихъ мое имя благонамѣренныхъ особъ. Довольно же и того, что я спешу до сихъ поръ!» Получивъ такую записку, Бенкендорфъ поручилъ исправлявшему должность московскаго оберъ-полиціѣмистра флигель-адъютанту, полковнику Муханову пригласить къ себѣ Каразина и вручить ему пакетъ лично. Василій Назаровичъ, 20-го ноября, явился къ Муханову вмѣстѣ съ женою, которую просили удалиться. Мухановъ предложилъ Каразину вскрыть и прочесть адресованное ему письмо. Тотъ отказался это сдѣлать. Мухановъ заявилъ, что *заставитъ* исполнить свое требованіе. Василій Назаровичъ не стерпѣлъ, схватилъ конвертъ и порвалъ его на мелкіе куски. Мухановъ потребовалъ письменнаго объясненія такихъ дѣйствій; Василій Назаровичъ написалъ, что уничтожилъ пакетъ для того, чтобы не читать оскорбительныхъ для себя выраженій, указывать на недоброжелательное отношеніе Бенкендорфа и на свое бѣдственное семейное положеніе: «дѣти мои довольно уже со мною несчастны... Дочь, одаренная всѣмъ отъ природы и не бѣдная, сохнетъ въ дѣвствѣ; ей теперь 26 лѣтъ. Она не имѣла ни одного жениха понынѣ. Сынъ съ рѣдкими способностями, что доказалъ онъ книгою Иліодометръ, изданною имъ на 18-мъ году возраста.—Жена въ горести; все имѣніе разорено слѣдствіемъ моего заключенія, истинно безвиннаго.—Но о семъ много писать довольно»... «Мнѣ до сихъ поръ запрещены: 1) вѣзды въ Петербургъ, впредь до повелѣнія, какъ сказано въ 1825 (1826) году, и сего повелѣнія я жду и испрашивалъ черезъ его высокопревосходительство (Бенкендорфа), ибо черезъ него были препровождены мои бумаги къ Е. И. В.; 2) издаваніе чего-либо изъ сочиненій моихъ, даже до земледѣлія» и проч. относящихся». Когда Вас. Наз. писалъ объяснительную записку, Мухановъ «стоялъ» у него «надъ шею, читая вслѣдъ каждое слово, каждую литеру»; второпяхъ Каразинъ не высказался вполне и въ тотъ же день сѣлъ и написалъ дополнительное письмо. Здѣсь онъ оплакивалъ свою участь, заживо погребеннаго въ Россіи», говорилъ о неисполненныхъ своихъ мечтахъ основать въ Болгаріи университетъ такой именно, какимъ въ свое время думалъ видѣть Харьковскій. На слѣдующій день, 21-го ноября, Вас. Наз. dokonчилъ дополнительную записку «Я и не мыслю тянуться съ Александромъ Христофоровичемъ,—Богъ съ нимъ. Пускай себѣ страшаетъ народъ... Но да помилуетъ онъ меня, наконецъ: ему охотно предоставляю честь должнаго за меня ходатайства и готовъ доставить ему записку о себѣ. Вотъ и примиреніе. Но онъ кричалъ, размахивая руками: «Этому не бывать, не бывать». Почему жъ не бывать, милостивый государь? Чѣмъ я грѣшнѣе прощаемыхъ теперь измѣнниковъ польскихъ? Я,

котораю цѣлая жизнь («позволено въ такомъ случаѣ сказать о себѣ гордо самую истину») *есть цѣль полезныхъ дѣлъ, который себя никогда ничѣмъ недостойнымъ не занятымъ*. «Смѣль-де, умень-де слишкомъ, дерзко-де пишеть», слѣдовательно, за это и погубить его. А? милостивые государи. Бога убойтесь! Вашъ почтеннѣйшій слуга»... Затѣмъ приписалъ въ Р. С.: «худо, право, что мы въ Россіи не хотимъ узнать другъ друга. Безъ нарочнаго высочайшаго повелѣнія у насъ нѣтъ и достоинствъ. И чуть-чуть кто сидитъ повыше у должности, тотъ готовъ толкать въ затылокъ всякаго, кто ему ни представляется. Это болѣе нежели *азіатизмъ!*» Вотъ о этихъ то письмахъ Бенкендорфъ немедленно сообщилъ государю, не умолчавъ конечно и о фактѣ уничтоженія конверта. 23-го ноября состоялась резолюція государя: «*Выслать съ жандармскимъ офицеромъ обратно на обыкновенное мѣсто жительства*». Московскій генералъ-губернаторъ князь Голицынъ, сообщилъ харьковскому губернатору, чтобы онъ имѣлъ Каразина *подъ строгимъ присмотромъ*. Послѣдній выѣхалъ изъ Москвы 11-го декабря и опять появился въ своемъ Кручикѣ. Изъ письма Бенкендорфа къ Филадельфу Каразину можно заключить, что Василію Назаровичу былъ снова запрещенъ въѣздъ и въ Москву, разрѣшенный въ 1826 г. ¹⁾.

21-го декабря того же года сынъ Вас. Наз-ча—Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ «служащій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ» (какъ значилось въ подлинѣ), частнымъ письмомъ просилъ Бенкендорфа о заступничествѣ за отца передъ государемъ; письмо было послано въ силу очень стѣсненнаго положенія семьи Каразиныхъ: «несчастная, добрая наша мать, бѣдная сестра наша, всѣ мы—погибли, если онъ не будетъ помилованъ! На пребываніи его въ Москвѣ основывалась вся надежда наша на поправленіе разстроеннаго, скуднаго нашего достоянія. Теперь же все будетъ потеряно для насъ» ²⁾!... Письмо Фил. Вас-ча было доложено императору Николаю, который написалъ на немъ резолюцію: «Нужно мнѣ знать, по какому поводу велѣно было при императорѣ Александрѣ выслать Каразина изъ Петербурга». Бенкендорфъ поручилъ графу Чернышову собрать нужныя справки, который и предложилъ выписку изъ письма гр. В. П. Кочубея ³⁾, запрошеннаго въ 1826 году по тому же предмету.

¹⁾ Письмо отъ 15 янв. 1832 года, за № 268/58. Русс. Стар. 1903, апр. 20—24.

²⁾ Тамъ же, стр. 18—19.

³⁾ Къ Ив. Ив. Дибичу, отъ 16 іюля 1826 г. *Шильдеръ*, „Имп. Ал. I“ т. IV, стр. 545. Мы по частямъ уже цитировали это письмо:

Изложивъ содержаніе письма гв. Чернышова, Бенкендорфъ писалъ Филадельфу Вас. Каразину 15 января 1832 года: «Государь императоръ, сообразивъ свѣдѣнія сіи съ послѣднимъ крайне предосудительнымъ поступкомъ отца вашего, учиненнымъ имъ во время нынѣшняго высочайшаго пребыванія въ Москвѣ, изволилъ заключить, что отецъ вашъ, конечно, не умѣлъ восчувствовать оказанную ему его величества милость дозволеніемъ жить въ Москвѣ, и потому его величество, не находя справедливаго повода къ отмѣнѣ нынѣ высочайшаго рѣшенія о немъ императора Александра Павловича, не изъявилъ своего соизволенія на возвращеніе отца вашего въ Москву»... Далѣе, Бенкендорфъ оправдывалъ себя отъ обвиненій во враждебности къ Каразину, доказывая это, какъ ходатайствомъ за него передъ государемъ въ 1826 году о разрѣшеніи жить въ Москвѣ, такъ и представленіемъ государю письма его сына на послѣднюю резолюцію; затѣмъ оправдывался отъ обвиненія въ невѣжливости: письмо было надписано «Г. Каразину» «по неизвѣстности въ канцеляріи (Бенкендорфа) имени и чина» Вас. Наз-ча.

Между тѣмъ самъ Каразинъ, доставленный въ свое имѣніе, не остался спокойнымъ; уже 31-го декабря 1831 года онъ отправилъ на имя императора письмо. Здѣсь Вас. Наз., во первыхъ, жаловался на обнародованіе «дѣйствій тайной экспедиціи» касательно его, которыя были *провозглашены* въ харьковскомъ сборѣ въ присутствіи съѣхавшагося на выборы предсѣдателя уголовной палаты дворянства (11-го января 1830 года; однимъ изъ кандидатовъ былъ Каразинъ); во-вторыхъ, жаловался на Бенкендорфа, который «не отвѣчалъ ни на одно прошеніе... и официальное, то, которое препровождено на имя управляющаго министерствомъ юстиціи, по которое къ нему по связи дѣлъ перешло, оставилъ безъ всякаго отвѣта». «Симъ образомъ затворилъ онъ мнѣ и по слѣдній оставшійся путь къ особѣ... государя...» (рѣчь м.-б. идетъ о перепискѣ по утвержденію избранія Каразина въ предсѣдателя уголовной палаты), въ-третьихъ, указывалось на незначительность проступка, за который высланъ былъ виновный изъ Москвы: «что и за святыня кувертъ этотъ!.. Онъ содержалъ партикулярный отвѣтъ на партикулярное письмо: и печать и № (371, а не 4600 по крайней мѣрѣ, еслибы онъ принадлежалъ къ бу-

Въ Русск. Стар. 1903, апр. стр. 19—20 прибавка такая въ концѣ.
„Освобожденіе его (Каразина) изъ крѣпости и отправленіе на жительство въ Харьковскую деревню послѣдовали по высочайшему повелѣнію, объявленному бывшимъ начальникомъ главнаго штаба княземъ Волконскимъ“.

магамъ по должности), то доказывали»... Въ заключеніе Каразинъ просилъ помилованія ради семьи своей. На письмо не послѣдовало никакого отвѣта.

ГЛАВА XI.

Послѣдніе годы жизни.

(1831—1842).

Разстройство состоянія и тяжбы до 1833 г. Дѣло съ гр. Подгоричани. Помощь со стороны Харьковскихъ профессоровъ и города Харькова (1834). Столкновение съ княземъ Трубецкимъ (1834). Разрѣшеніе вѣзда въ Москву (1835). Исторія съ аттестатомъ сына В. Н-ча—Александра Каразина (1835). Пожаръ сельской бібліотеки (1836) и судьба Кручика. Сотрудничество въ журналахъ (1837—1842). Проектъ учебно-воспитательнаго заведенія для „женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ“ (1838—1841). Участіе въ жизни Харькова. Просьбы объ облегченіи участи. Письмо къ Бенкендорфу въ ноябрѣ 1839 г. Послѣдняя попытка выступить снова на сцену официально-служебной дѣятельности въ качествѣ помощника бібліотекаря Харьковскаго университета. Участіе въ „Москвитянинѣ“ и „Молодикѣ“.

Хозяйственныя дѣла В. Н. Каразина шли, между тѣмъ, все хуже и хуже. Уже давно ему приходилось вѣдаться съ судами за свои громадныя долги. Еще въ 1804 году ихъ было свыше 40,000 рублей ¹⁾. Въ 1819 году нѣкій Иванъ Куликовскій предъявилъ Каразину какую то (данную ему Куликовскому) закладную; въ 1823 году часть Кручанской земли была взята за долги подъ казенный присмотръ. Въ томъ же 1823 году гр. Подгоричани-Петровичъ искалъ по просроченной закладной, данной В. Н. Каразинымъ дѣду Подгоричани-Куликовскому—30,000 рублей ²⁾. 22 іюля 1824 г. «чиновники земскаго суда, прибывъ съ секретаремъ и приглашенными дворянами въ село Кручикъ, ввели во владѣніе бѣльшей половины онаго поручика графа Подгоричани-Петровича» ³⁾. Въ 1825 году Подгоричани взыскивалъ съ Каразина «по заемному письму» деньги. *Изъ указа правительствующаго Сената 30-го мая 1827 года за № 2348 на донесеніе Слѣбод-*

¹⁾ Прощеніе В. Н. Каразина отъ—ноября 1804 г. государю Александру I-му. „Русс. Старина“ 1903, апрѣль, стр. 9—10.

²⁾ Рукописи Чирикова. Историческій Архивъ при харьк. унив.

³⁾ Донесеніе свящ. П. Базилевича епископу Павлу Саббатовскому „Харьковскій Сборникъ“ 1887 г., стр. 59.